

Константинос Кавафис (1863-1933, Александрия)

ИУДЕЙ (50 год)

Художник и поэт, бегун и дискобол,
красивый, как Эндимион, Иантис Антониу
был из семьи, где чтит синагогу.

Он часто говорил: "Благословенно время,
когда, оставив поиски прекрасного
и вместо с ними строгий эллинизм
с его неудержимым поклонением
молочно-белым рукотворным формам,
я становлюсь таким, каким всегда
мечтал остаться – сыном иудеев,
святых и мудрых иудеев верным сыном".

Звучала страстно речь его: "Навек
остаться верным сыном иудеев".

Но это были только лишь слова –
Искусству и Неодолимой Неге
он поклонялся, сын Александрии.

перевод Р. Дубровкина

АРИСТОБУЛ

Рыдают слуги, безутешен царь,
царь Ирод обливается слезами,
столица плачет над Аристубулом:
с друзьями он играл в воде – о боги! –
и утонул.

А завтра разнесутся
повсюду злые вести, долетят
до горных стран, до областей сирийских,
и многие из греков там заплачут,
наденут траур скульпторы, поэты:
так далеко прославила молва
лепную красоту Аристубула,
но даже в самых смелых сновиденьях
им отрок столь прелестный не являлся.
И разве в Антиохии найдется
хотя б одно изображение бога
прекрасней юного израилита?
Рыдает безутешно Александра,
исконная царица иудеев,
рыдает, убивается по сыну,
но стоит только ей одной остаться,
как яростью сменяются рыдания.
Она кричит, божится, проклиная.
Как провели ее, как насмеялись!
Пришла погибель дому Асмонею,
добился своего кровавый деспот,
чудовище, душитель, кровопийца,
свой давний план осуществил убийца!
И даже Мариамна ни о чем
не догадалась – все свершилось втайне.

Нет, ничего не знала Мариамна,
иначе бы не допустила смерти
возлюбленного брата: все ж царица
и не совсем еще она бессильна.
А как, должно быть, торжествуют нынче,
злорадствуют паршивые ехидны:
и царская сестрица Саломея,
и мать ее завистливая Кипра.
Смеются над несчастьем Александры,
над тем, что лжи любой она поверит,
что никогда не выйти ей к народу,
не закричать ей о сыновней крови,
не рассказать убийственную правду.

перевод Р. Дубровкина

ПОКИДАЕТ БОГ АНТОНИЯ

Когда внезапно в час глубокой ночи
услышишь за окном оркестр незримый
(божественную музыку и голоса) –
судьбу, которая к тебе переменилась,
дела, которые не удались, мечты,
которые обманом обернулись,
оплакивать не вздумай понапрасну.
Давно готовый ко всему, отважный,
прощайся с Александрией, она уходит.
И главное – не обманись, не убеди
себя, что это сон, ошибка слуха,
к пустым надеждам зря не снисходи.
Давно готовый ко всему, отважный,
ты, удостоившийся города такого,
к окну уверенно и твердо подойди
и вслушайся с волнением, однако
без жалоб и без мелочных обид
в волшебную мелодию оркестра,
внемли и наслаждайся каждым звуком,
прощаясь с Александрией, которую теряешь.

перевод С. Ильинской

ПО ТАВЕРНАМ

По тавернам бейрутским, по борделям шатаюсь,
боль глуша, - докатился. Я бежал без оглядки
прочь из Александрии. Я не ждал от Тамида,
что меня променяет он на сына эпарха
ради виллы на Ниле и дворца городского.
Я бежал без оглядки прочь из Александрии.
По тавернам бейрутским, по борделям шатаюсь,
боль глуша, - докатился. В этой жизни беспутной
мне одно помогает, как соприкосновение
с красотой долговечной, как держащийся запах
на губах и на теле, - то, что целых два года
мой Тамид несравненный, мальчик мой, был со мною -
и не ради чертогов или виллы на Ниле.

Перевод Евг. Солоновича